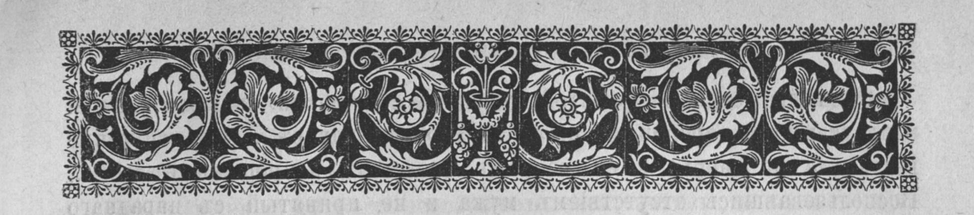

Воспоминанія Елены Юрьевны Хвощинской.

(Рожденной княжны Голицыной).

VII [1]).

Жизнь съ Тамбовѣ. — Разладъ въ семьѣ. — Письма отца къ В. В. Р—вой.— Отъѣздъ нашъ въ пензенскую деревню.

Для разъясненія послѣдующихъ событій я должна вернуться ко времени пребыванія моихъ родителей въ Тамбовѣ.

Мать испытывала постоянную тревогу вслѣдствіе несдержанности характера моего отца. Она видѣла, что онъ постепенно увеличиваетъ лагерь своихъ недоброжелателей, во главѣ которыхъ стояло вліятельное лицо, сдѣлавшееся изъ друга отца моего его врагомъ; причину вражды я опишу ниже.

Относительно же сердечныхъ увлеченій мужа моя мать была покойна и считала его «Іосифомъ Прекраснымъ». Но нѣтъ тайны, которая не сдѣлалась бы явной,—злые люди открыли ей глаза, и горькія думы запали ей въ душу... Несмотря на ея кротость, самолюбіе заговорило, и покой семейный былъ нарушенъ.

Сама же она была такъ чиста, что никогда не замѣчала даже ухаживанья, относившагося къ ней; она такъ обожала своего мужа, что ей въ голову не могло придти даже кокетство, но это не помѣшало Г** безумно влюбиться въ нее. Когда Г** объяснился ей въ любви, она, разсердившись на него, попросила не бывать больше въ ея домѣ. Эта просьба не была имъ исполнена,—онъ не прекращалъ своихъ посѣщеній. Тогда мать моя приказала людямъ не принимать его.

---

[1]) См. „Русскую Старину“, апрѣль, 1897 г.

Однажды, сидя за работой съ одной старушкой, жившей у насъ, мать услышала торопливые шаги въ своемъ будуарѣ... Она испуганно взглянула на дверь, и ея взорамъ предсталъ непрошенный гость!.. Воспользовавшись отсутствіемъ мужа и не принятый съ параднаго подъѣзда, онъ явился съ чернаго крыльца. Мать моя, увидавъ Г**, такъ испугалась, что у нея работа выпала изъ рукъ. Онъ же дерзко сказалъ ей:

— Chassez de la chambre, je vous conjure, cette vielle! [1]).

Старушка, понявъ что́ было сказано, хотѣла-было уйти, но мать, удержавъ ее, поспѣшно и испуганно сказала: «сидите!..»

И обратившись къ нахальному гостю, отвѣтила ему:

— C'est vous, monsieur, qui devez quitter ma chambre, à l'instant même! Et si vous n'allez pas le faire—je vais appeler mes gens pour vous chasser!.. [2]).

Разсерженный и обиженный онъ долженъ былъ уйти.

Мать съ нетерпѣніемъ ждала возвращенія мужа своего, но не для того, чтобы разсказать ему о нахальствѣ его друга, а уговорить ѣхать съ ней въ Салтыки—встрѣчать тамъ Пасху. Былъ конецъ февраля; отецъ вернулся, и они поѣхали. Пріѣхавъ въ Салтыки, мать сохранила тайну, но когда разлились рѣки и не было дорогъ, она разсказала мужу причину ея желанія покинуть Тамбовъ.

Отецъ, услышавъ этотъ разсказъ, страшно разгорячился и въ гнѣвѣ хотѣлъ въ ту же минуту ѣхать въ городъ. Но дороги никакой не было, и онъ долженъ былъ отложить свое объясненіе до первой возможности. Мать успокоилась, зная, что до просухи и гнѣвъ мужа утихнетъ. Такъ и случилось; когда вернулись они въ Тамбовъ, отцу вся эта исторія, казавшаяся драмой въ Салтыкахъ, предстала въ комичномъ видѣ, и онъ началъ подсмѣиваться въ присутствіи своего пріятеля о неудачной его любви, гордясь своей женой.

Несмотря на проказы и волокитства отца моего, онъ жену свою любилъ горячо и цѣнилъ ее. На его горе, не задолго до Крымской кампаніи, онъ увлекся дочерью друзей своихъ Р—ыхъ. Не таился онъ отъ матери той, которую полюбилъ, такъ какъ чувство это, по его словамъ, было «чисто и непорочно», но оно было тягостно для семьи Р—ыхъ, а еще тяжелѣе было моей матери, знавшей объ этой несчастной любви.

Мать дѣвицы Р—вой, какъ женщина высокой нравственности, какъ мать, какъ другъ моихъ родителей, хотя и вѣрила дочери и знала ея

---

[1]) „Выгоните изъ комнаты эту старуху".

[2]) „Если вы сейчасъ же не выйдете изъ моей комнаты, я позову людей вывести васъ!"

честныя правила, но все-таки рѣшила, что лучше князю не бывать у нихъ. Переписку же съ нимъ не прекращала, оставаясь его другомъ и наставникомъ.

Это увлеченіе, интриги недоброжелателей, зависть и клевета приводили князя Юрія Николаевича въ отчаяніе.

— Къ чорту удачи!—говорилъ онъ.—Господи, возврати мнѣ прежнюю мою независимость и удаль.

«Итакъ, любезный другъ В..ра В..на,—писалъ онъ Р—вой въ 1855 г.,—убѣдясь изъ вашего письма, что мои письма вы будете читать и не перечитывать другимъ, я съ восторгомъ цѣлую ваши ручки, и въ этомъ убѣжденіи буду продолжать это письмо.

«Сегодня я долженъ былъ ѣхать къ Адлербергу съ докладной запиской, для передачи государю о настоящемъ ходѣ нашихъ выборовъ, но получивъ ваше письмо, карету отпустилъ, заперъ дверь на замокъ и посвятилъ весь этотъ день вамъ. Письмо ваше столько разъ перечитывалъ, что знаю его наизусть... Нѣтъ, другъ мой, моя дружба и глубокая привязанность къ вамъ кажется потому восторженной, что вы не предполагаете во мнѣ возможности любить чисто, прочно и непорочно!.. Испытавъ себя и убѣдясь, что для вашего счастья я охотно своимъ пожертвую, съ чистой совѣстью передъ вами предстою, говорю, повторяю и клянусь: люблю, ужасно люблю васъ и всѣхъ вашихъ—чисто прочно и непорочно!..

«Пойду пофантазировать на фортепіано, написалъ prélude.

«9 часовъ вечера. Я долженъ, другъ мой, передать, что́ у меня на сердцѣ. Дѣла мои по имѣнію плохи, поправить ихъ, правда, еще можно, но въ томъ духѣ, въ которомъ я нахожусь, я не чувствую себя на то способнымъ, и тогда, можетъ быть, все это дурно кончится. А потому я искалъ и почти нашелъ покупателя на Салтыки, тѣмъ болѣе, что цѣну мнѣ даютъ хорошую. Въ губерніи мнѣ уже ничего не осталось дѣлать; капиталъ я не возьму, а если и возьму, то женѣ отдамъ, она будетъ жить съ дѣтьми въ Пензѣ, а я à la grâce de Dieu [1]).

«Теперь война и не на шутку разыгрывается et on a besoin de la chair à canon, dans ce but peut être je serai bien util à ma belle patrie [2]).

«Здѣсь я веду странный образъ жизни; главное занятіе—сижу дома, учу пѣть Андреева (впослѣдствіи артиста императорск. оперы) я открылъ у него три удивительныя ноты, такъ что я съ нимъ серьезно занимаюсь; играю аккорды, разбираю Рейсигера увертюру, пью черезъ два часа лѣкарство, въ карты играю, проигрываю довольно порядочно, ви-

---

¹) „На произволъ Божій“.

²) „Нуждаются въ пушечномъ мясѣ, для этой цѣли я, можетъ быть, буду еще полезенъ моей прекрасной родинѣ“.

зитовъ почти не дѣлаю никому, а кому дѣлаю, съ тѣмъ поругаюсь; такъ напримѣръ вчера съ Г...—онъ ужасный лакей! Я такъ увлекся и надоѣлъ вамъ своей бесѣдой, что не замѣтилъ, что уже 11 часовъ.

«Взялся перечитать мое письмо,—какая въ немъ несвязность. Но вы, мой добрый цензоръ, вѣрно взыскательны не будете; у меня для васъ что̀ на умѣ, то и въ письмѣ.

«Прощайте, драгоцѣнный другъ мой, не смѣю сказать до свиданія, боюсь,—ну какъ не увижу васъ. Je suis sur un volcan d'intrigues dont B...off est le grand meneur, tous les jours aussi je suis à la veille de faire un coup de tête, mais l'exil m'effraye, car alors, adieu pour toujours [1]). Любовь моя къ вамъ, Богъ дастъ, удержитъ меня отъ бѣды, но я страдаю здѣсь. Всѣ на меня. Вы и всѣ ваши помолитесь за меня.

Вѣрный другъ Georges».

«Располагаешь ли ты, любезный другъ, писалъ онъ въ то же время Ар. Ал. Р—ву, быть въ Петербургѣ? Если будешь—дай мнѣ знать, и я надѣюсь, что ты у меня остановишься; я такъ грущу и скучаю, что не могу вырваться изъ этого омута, что каждый день je me fais des mauvaises histoires et par là comme de raison j'augmente le nombre de mes ennemis qui sans cela s'est diablement multiplié depuis que je suis en disgrâce; au fait au diable le service! Faites moi l'amitié, cher ami, de me trouver deux chevaux de selles le plus tôt possible [2]). Прощай, другъ, а можетъ быть и до свиданья. Пріѣзжай, какъ буду тебѣ радъ! Юрій».

Спустя нѣкоторое время мой отецъ писалъ В. В. Р—вой:

«Всегда испытывать счастье—не есть уже счастье,—а горе остается всегда горемъ. Вчера я испыталъ такое разочарованіе, что черезъ него до сихъ поръ боленъ, между тѣмъ, пора бы мнѣ привыкнуть—варіаціи только другія, а въ сущности все одно и то же—неблагодарность. Человѣкъ, правда, скверный, зато Богъ великъ. Это Онъ вселилъ мнѣ безграничную привязанность къ вамъ, и за это я Его благодарю утро и вечеръ, потому что это чувство заставляетъ меня забывать и прощать зло, которое тщательно стараются сдѣлать мнѣ. Впрочемъ, да будетъ воля Господня! Я сдѣлался безчувственнымъ ко всему тому, что̀ мои враги могли бы придумать по отношенію меня; до того безчувственнымъ, что мысль

---

[1]) Противъ меня сильно интригуютъ, и главный зачинщикъ Б... Я также каждый день наканунѣ того дня, въ который способенъ буду сдѣлать скандалъ, за который сильно пострадаю, но изгнаніе меня пугаетъ, потому что тогда прощайте на-вѣки.

[2]) Я устраиваю себѣ исторіи и ими, конечно, увеличиваю число враговъ, которое и безъ этого чертовски увеличилось съ тѣхъ поръ, какъ я въ опалѣ; а впрочемъ, къ чорту службу! Сдѣлай мнѣ одолженіе, милый другъ, найди мнѣ двухъ верховыхъ лошадей какъ можно скорѣе.

о самозащитѣ или мести очень далека отъ меня; но если-бъ я долженъ былъ потерять вашу дружбу, то-есть мою вѣру,—вотъ тогда-то мои враги имѣли бы... Не будемъ говорить объ этомъ. Господь по своему милосердію пожалѣетъ меня и въ особенности мою семью; отъ васъ, другъ мой, зависитъ благосостояніе моихъ дѣтей,—любите меня всегда ради ихъ, если не ради меня самого. Все страдаетъ во мнѣ—вѣра, сердце, душа, разумъ... вотъ я ужъ дошелъ въ этомъ письмѣ до того, что и продолжать не могу... рана моя еще далеко не зажила. Вашъ вѣрный другъ Юрій».

«Въ послѣдніе три года, писалъ онъ ей же, мало-ли испыталъ я измѣнъ, неблагодарностей? Сколько за добро платили мнѣ зломъ! Вы, можетъ быть, скажете, какъ многіе, что я неблагодаренъ судьбѣ за мои удачи; но вы, добрый и честный другъ мой, не въ состояніи постигнуть, какъ для благороднаго сердца тягостны эти удачи; вамъ, благодаря Создателя, не только не приходилось испытать, но даже видѣть, къ какимъ иногда средствамъ прибѣгаютъ для достиженія этихъ жалкихъ удачъ. Я лучше вамъ разскажу, что́ со мною было на-дняхъ: мнѣ, князю Голицыну, потомку гордаго Гедимина, предложили, для достиженія моей цѣли, обратиться къ любовницѣ любимаго здѣсь сановника! Это меня совершенно убило и показало, какъ поднимаясь высоко, низко падаешь!!..

«Поймите же, другъ мой, что всѣ эти удачи или неудачи—называйте ихъ какъ хотите—подѣйствовали на мое сердце, какъ раскаленное желѣзо на тѣло; раны мои глубоки и неизлѣчимы... Въ этомъ больномъ состояніи я давно нахожусь... Какъ же вы хотите, другъ мой, чтобы при этой обстановкѣ я бы не оцѣнилъ постоянное и благородное ваше и Маріи Васильевны участіе, испытанную дружбу вашего мужа ко мнѣ и семейству моему; потомъ бабуша, братья ваши, Липецкъ, выборы, музыка и тысяча еще доказательствъ высокой вашей души такъ тѣсно связали мое существованіе съ счастьемъ вашимъ и вашего семейства, что клянусь вамъ въ первый и послѣдній разъ именемъ моей покойной матери, если-бъ я убѣдился, что жизнь моя можетъ быть полезной счастью вашему или кому-либо изъ вашихъ, то я съумѣлъ бы найти ей конецъ благородный и достойный! Не думайте, другъ мой, что слова эти обманъ самого себя или увлеченіе, нѣтъ—это слѣдствіе разсудка. Судите: во всемъ разочарованъ, пользы по чувству убѣжденія и по положенію моему теперь въ свѣтѣ болѣе принести не могу, честолюбіе пропало, семейству своему скорѣе вредъ приношу, чѣмъ пользу, и чтобы при всемъ этомъ я бы невольно принесъ несчастье семейству, которое люблю... О, нѣтъ, другъ мой, тысячу разъ нѣтъ!

«Требуйте отъ меня чего хотите—доставьте мнѣ тѣмъ счастье исполнить ваше желаніе; въ этомъ случаѣ силы воли у меня достанетъ...

«Въ карты даю слово не играть. Салтыки пока еще не продаются, и если продамъ, то только съ вашего согласія, то-есть тогда, когда вы, какъ я, будете убѣждены, что продажа эта въ пользу моихъ дѣтей.

«Прощайте, другъ мой, примите вы и всѣ ваши сердечный и душевный мой привѣтъ. Долгъ мой призываетъ меня въ ряды ополченія! Надняхъ подаю о томъ просьбу моему государю; спѣшу, потому что наши дружины тотчасъ же будутъ прикомандированы къ южной арміи, гдѣ каждаго изъ насъ ожидаетъ слава или смерть! Другъ вашъ Юрій».

Вернувшись съ Крымской кампаніи, на душѣ у отца было не легче, чѣмъ передъ отъѣздомъ его туда; состояніе было разстроено, служебная карьера окончательно пропала, отношенія съ женой надломлены...

Мать моя съ разбитымъ и истерзаннымъ сердцемъ видѣла, что сломанное трудно склеить и рѣшила непоколебимо уѣхать изъ Салтыковъ и удалиться въ свое пензенское имѣніе, взявъ съ собою своихъ трехъ дѣвочекъ, такъ какъ сынъ былъ уже опредѣленъ отцомъ въ Морской кадетскій корпусъ.

Отецъ остался одинъ, безъ жены, безъ дѣтей, безъ службы, съ разореннымъ состояніемъ, даже безъ своего созданія—безъ своего хора, съ однимъ горькимъ сознаніемъ, что, можетъ быть, онъ самъ виноватъ во всемъ...

Нервный, чувствительный, онъ каждый день обливался слезами,—музыка осталась его единственнымъ утѣшеніемъ. И какъ корабль безъ руля поплылъ онъ, несчастный, по житейскимъ бурямъ и невзгодамъ...

Вотъ что писалъ онъ изъ Москвы В. В. Р—вой, когда остался одинъ:

«Я въ такомъ ужасномъ состояніи, что, кажется, здѣсь на всѣхъ бы бросился; я чувствую, когда я далеко отъ Знаменскаго, я становлюсь хуже и хуже. Другъ мой! друзья мои, не оставляйте меня, поддержите меня—страшно одному жить! Je suis à présent comme un enfant qui craint de rester dans une chambre sombre—c'est une panique de laquelle je ne puis pas me rendre compte! [1]) Такъ мнѣ здѣсь грустно, что все къ чорту отправлю. Концерта я болѣе не дамъ и кажется, что хоръ распущу. Они такъ здѣсь хорошо поютъ, какъ-будто нарочно напоминаютъ мнѣ...

«Прощайте, мой другъ, исцѣляйте больнаго... За границу я непремѣнно уѣду, и надолго!... Вашъ Юрій».

«Вчера я получилъ ваше старое письмо, писалъ онъ ей же въ другомъ письмѣ, но оно до сихъ поръ, мой другъ, лежитъ не распечатанное, боюсь его читать. Вы меня вѣрно браните, а мое сердце уже и

---

[1]) Я теперь похожъ на ребенка, который боится остаться одинъ въ темной комнатѣ,—и я не могу отдать себѣ отчета въ этомъ страхѣ.

безъ того страдаетъ! Да, мой другъ, страдаетъ, и болѣе, нежели когда-либо. Прежде я уѣзжалъ, а теперь я уѣхалъ: бросилъ Салтыки, разстался съ дѣтьми, далекъ отъ Знаменскихъ—все это далеко не весело, а мужъ вашъ какъ-будто на смѣхъ пишетъ мнѣ «amusez vous»; мудрено при этой обстановкѣ душою быть покойнымъ, и самое главное, что теперь я вижу, что съ женой мы на вѣкъ разлучены...

«Умоляю васъ, другъ мой, какъ мать, какъ друга моего и жены моей, упросите вашего мужа этимъ временемъ управлять не такъ Салтыками (т. е. мелочнымъ хозяйствомъ), какъ долгами по имѣнію; я мѣшать ему не буду, и довѣренность уже готова ему, по силѣ которой можетъ дѣйствовать, какъ бы я самъ. Я состояніемъ не дорожу, но обязанность отца понуждаетъ подумать сохранить родовое имѣніе. Во всемъ этомъ жалокъ одинъ только я! Не забывайте меня, ради Бога, на колѣняхъ умоляю, не разлюбите, я теперь одинъ; представьте, заговариваюсь, мысли собрать не могу. Si votre mari a la cruauté de me refuser ma prière, ma fortune est perdue, car je ne peux pas et ne veux pas la confier à personne d'autres [1]), самъ же заниматься не могу, съ ума сойду.

Другъ вашъ Юрій».

Мать моя, рѣшившись на разлуку съ мужемъ, страдала также и съ болью сердца покидала Салтыки, гдѣ оставляла любимаго человѣка. Не легко ей было разлучать своихъ дѣвочекъ съ отцомъ (мнѣ, старшей, тогда было пять лѣтъ) и увозить ихъ въ глушь Пензенской губерніи, далеко отъ родныхъ и друзей! Въ перспективѣ у нея были: скудныя средства, лишенія, одиночество, тоска и непривычный трудъ!

Она покидала свѣтъ съ его злобами дня, какъ покидаетъ его женщина-монахиня, посвятившая себя Богу; она отрекалась отъ свѣта и посвящала себя дѣтямъ; удалялась къ тихой пристани и была тѣмъ только счастливѣе отца, что увозила съ собой совѣсть покойную и чистую.

VIII.

Пріѣздъ въ село Огарево.—Какъ оно досталось моей матери.—Тетушка Софія Николаевна Герасимова.

Прощанье съ отцомъ, съ Салтыками и выѣздъ оттуда я не помню. Изъ дорожныхъ воспоминаній осталось у меня въ памяти только гро-

---

[1]) Если вашъ мужъ будетъ такъ жестокъ отказать моей просьбѣ, мое состояніе пропадетъ, потому что я не могу поручить его кому-либо другому.

мадная четырехмѣстная карета, всѣ лица, сопровождавшія насъ, и въѣздъ въ село Огарево.

Свита наша состояла изъ няни, стараго слуги, Василія Кузьмича (который впослѣдствіи былъ дядькою брата Евгенія), горничной и повара.

Поручены мы были madame de Laveau и нянѣ, которыхъ мы обожали, и онѣ своей заботливостью и любовью въ отсутствіе матери замѣняли намъ ее. Съ нами также ѣхала сиротка 12-ти лѣтъ, Катенька Ѳедорова. Мой отецъ, бывши предводителемъ, взялъ ее къ себѣ; съ 8-ми-лѣтняго возраста она осталась круглой сироткой и до пріѣзда къ намъ очень бѣдствовала, не имѣя ни души родныхъ.

Въѣздъ въ Огарево хотя и мало представлялъ интереса, но я помню его хорошо. Было лѣто. Солнце только всходило. Карета наша грузно, тихо двигалась по пыльной дорогѣ; ямщикъ задремалъ подъ-утро, плохія лошаденки пріустали, а главная причина тому, что мы тащились, а не ѣхали была та, что Василій Кузьмичъ самъ задремалъ и не покрикивалъ, какъ всю дорогу, «пошелъ» и «пошелъ». Но вотъ онъ проснулся и недовольнымъ голосомъ закричалъ:

— Ну, что ты, братецъ мой, какъ съ кислымъ молокомъ ѣдешь! Денежки, небось, взялъ хорошія, а везти не умѣешь! Эхъ, вы, вольные! То-ли дѣло, по большой дорогѣ, казенные ямщики—любо съ ними ѣхать, небось—не уснешь, а съ тобой и сны видишь!

Въ каретѣ всѣ крѣпко спали, несмотря на то, что солнце ужъ ярко свѣтило всѣмъ въ глаза, и ямщикъ, послѣ замѣчанія Василія Кузьмича, сталъ громко посвистывать, покрикивать на форейтора и погонять своихъ бѣдныхъ лошадокъ. Madame de Laveau, прислонившись къ подушкѣ, спала; Соня, прижавшись къ ней, склонивъ неловко свою черную, бархатную головку и полуоткрывъ свой маленькій ротикъ, также крѣпко спала; Таня, съ румянцемъ во всю щеку, безмятежно покоилась на колѣняхъ у няни, которая, боясь безпокоить свою малютку, неловко, какъ-то прижавшись однимъ бокомъ въ уголокъ кареты, бережно держала свое «румяное яблочко», какъ она называла Таню, и дремавъ, кивала во всѣ стороны головой, ежеминутно просыпалась и также скоро засыпала. Я же тогда, хотя и очень была маленькой, пяти лѣтъ, но хорошо помню свои впечатлѣнія, которыя всегда какъ-то неизгладимо врѣзывались въ моей памяти.

Сидѣла я у окна и, высунувъ свою головку, вдыхала свѣжій утренній воздухъ, прислушиваясь къ разнородному щебетанью птичекъ и зорко слѣдя за солнцемъ. Несмотря на ранній возрастъ, я наслаждалась всѣмъ, что̀ видѣла и слышала: и утромъ, и солнцемъ, и щебетаньемъ птичекъ, и свѣжимъ воздухомъ, который врывался въ нашу душную карету.

Солнце поднялось высоко, стало жарко, и радостное щебетанье пти-

чекъ смѣнилось несноснымъ жужжаніемъ мухъ и оводовъ, влетавшихъ то и дѣло къ намъ въ карету. Спутники мои не просыпались, пока Василій Кузьмичъ не закричалъ намъ: «съ добрымъ утромъ и съ пріѣздомъ! вотъ и Огарево виднѣется. А вотъ и верхомъ, на бѣлой лошади, кто-то скачетъ,—должно быть Андрей Борисовичъ (приказчикъ) встрѣчаетъ».

Всѣ мы съ любопытствомъ тянулись къ окошкамъ и высовывали свои головки.

Madame de Laveau, почти ничего не понимавшая по-русски, несмотря на 30 лѣтъ, проведенныя въ Россіи, и тутъ, не разобравъ въ чемъ дѣло, спросила насъ:

— Qui a-t-il chers petits enfants? [1]).

— Nous arrivons, nous arrivons, madame, regardez voilà déjà l'église [2]), радостно отвѣчала я ей.

Мы въѣзжали, наконецъ, въ Огарево. Ямщикъ и форейторъ съ гикомъ и свистомъ выбивали кнутомъ послѣднюю силенку у своего усталаго шестерика, чтобы молодецки въѣхать въ село и загладить неудовольствіе, вызванное ими у Василія Кузьмича, и заслужить отъ него на чаекъ.

Но лихой этотъ въѣздъ никто не видѣлъ,—народъ былъ весь въ полѣ, на работѣ, а въ усадьбѣ почти никого не было, такъ какъ того, что называлось въ старину «дворнею или дворовыми», въ Огаревѣ не существовало, потому что тамъ никогда помѣщики не жили. Барской усадьбы также не было. Подъѣхали мы къ маленькому домику, крытому соломой, стоявшему на довольно высокой горѣ; кругомъ ни кусточка, ни деревца—одно поле. Недалеко отъ домика тянулась длинная, прямая улица крестьянскихъ избушекъ, крытыхъ соломой, а въ концѣ улицы виднѣлась бѣлая небольшая церковь. Комнаты мнѣ показались крошечными въ сравненіи съ Салтыковскими, да онѣ и были маленькія. Вообще село Огарево представляло совершенный контрастъ съ Салтыками: тамъ народъ былъ промышленный, зажиточный и чистый, наружность открытая и народъ красивый. Огаревскіе крестьяне больше походили на дикарей: одѣты были плохо, въ лаптяхъ и синихъ рубашкахъ; избы были у нихъ закопченныя дымомъ, такъ какъ всѣ почти были курныя.

Итакъ, пріѣхавъ рано утромъ, напившись чаю, осмотрѣвъ свой маленькій домикъ и отдохнувъ, мы упросили няню идти съ нами гулять. Только что мы показались на улицѣ, какъ изъ всѣхъ избъ начали выбѣгать ребятишки, и нѣкоторые изъ нихъ высовывали намъ языки, убѣгая обратно въ избы, а другіе, кланяясь низко, крестились.

---

[1]) „Что случилось, дорогія дѣтки?"

[2]) „Сейчасъ пріѣдемъ! посмотрите вотъ и церковь видна".

Вернувшись съ прогулки, мы, веселыя и оживленныя, разсказывали madame de Laveau свои впечатлѣнія. Дѣтскій, счастливый возрастъ всему доволенъ, въ особенности перемѣнѣ, у него нѣтъ еще сожалѣнія о прошломъ!.. И мы были веселы и радовались новенькому. Въ Огаревѣ ожидала насъ покойная, счастливая, тихая жизнь, подъ крылышками заботливой, любящей матери!

Для остальныхъ же окружающихъ насъ Огарево показалась ссылкой послѣ веселыхъ, шумныхъ Салтыковъ.

Находившееся въ Пензенской губерніи, Инсарскаго уѣзда, село Огарево было родовое имѣніе сестры моей матери, генеральши Софіи Николаевны Герасимовой, которое она получила въ приданое.

Какъ я уже говорила выше, дѣдушка Бахметевъ нажилъ своими трудами очень хорошее состояніе и по мѣрѣ того, какъ выдавалъ замужъ дочерей, онъ отдѣлялъ имъ и землю. Не успѣлъ онъ сдѣлать то же самое для моей матери и, скончавшись скоропостижно, не отдѣлилъ ее. Это ужасно мучило бабушку Софію Ивановну, тѣмъ болѣе, что она видѣла, какъ мой отецъ разстраивалъ свое состояніе. Тогда тетя, Софія Николаевна, бывши уже вдовой, поспѣшила успокоить мать свою, отдавши сестрѣ кн. Голицыной одну половину Огарева. Такимъ образомъ она успокоила свою мать и дала средства къ жизни сестрѣ своей и ея семьѣ. Впослѣдствіи она еще помогла сестрѣ, продавъ ей свою часть на очень выгодныхъ условіяхъ, а потомъ и простила оставшійся долгъ.

Овдовѣвъ, она жила не для себя, кому могла—помогала, и живши при монастырѣ въ Хорошевѣ (18 верстъ отъ Харькова) много дѣлала и тамъ добра: призрѣвала и кормила разныхъ бѣдныхъ старушекъ и сиротъ-дѣвушекъ. Она вся была въ Богѣ!

Господь послалъ этой преданной ему душѣ тяжелое испытаніе: она девять лѣтъ пролежала въ параличѣ, а послѣдніе четыре года ея жизни была безъ движенія и безъ языка. Но умъ и сердце продолжали работать! Это можно было видѣть по слуху, который ей не измѣнилъ: когда при ней говорили о томъ, чтó ее интересовало, она сейчасъ, бывало, встрепенется; когда же разговоръ касался чего-либо грустнаго, или ея воспоминаній молодости, она горько плакала. Прислуга ея обращалась съ нею въ послѣднее время, какъ съ ребенкомъ.

25-го октября 1885 года она кончила жизнь тихо, спокойно, на рукахъ моей матери, которая при болѣзни не оставляла и часто жила у нея въ кельяхъ, и насколько могла—заботилась о ней; кельи свои она завѣщала пожизненно своей сестрѣ; вотъ когда невольно припоминаются слова схимника Парѳенія, сказанныя моей матери: «иди тогда, когда сама Матерь Божія поведетъ тебя за руку». Но заботы о дѣтяхъ отдаляютъ часто человѣка отъ жизни, къ которой стремится душа его, и мать моя,

похоронивъ сестру, въ монастырь возвращалась только, чтобы поклониться ея могилѣ.

Коснувшись слегка жизни подъ старость тетушки Герасимовой, я вспомнила случай изъ ея молодости.

Послѣ кончины мужа своего, тетушка Герасимова вызвала его племянника, чтобы передать ему бумаги и вещи покойнаго. Племянникъ, молодой, красивый офицеръ, не замедлилъ пріѣхать на вызовъ тетушки, которую уже раньше зналъ и всегда ею восхищался. Увидавъ ее красивой еще, молодой вдовой, онъ влюбился и попросилъ ея руки. Она ему наотрѣзъ отказала и, благословивъ его образомъ, давъ ему свой портретъ, сказала, чтобъ онъ уѣзжалъ и не старался бы ее видѣть, такъ какъ она приметъ его только тогда, когда чувство его къ ней пройдетъ, и онъ будетъ женатъ. Онъ уѣхалъ. Черезъ 30 лѣтъ, за три мѣсяца до ея кончины, явился онъ въ Харьковъ уже генераломъ и, не зная гдѣ ее найти, отправился узнать о ней у харьковскаго старожила, бывшаго губернатора, двоюроднаго брата тети графа А. К. Сиверса, и объяснилъ ему причину своего пріѣзда въ Харьковъ. Графъ Сиверсъ, зная о его прежней любви, сказалъ ему: «не совѣтую вамъ видѣть бѣдную сестру, она въ страшномъ положеніи—разбита параличемъ. На васъ это сдѣлаетъ слишкомъ удручающее впечатлѣніе, и врядъ-ли она узнаетъ васъ». Но онъ, услышавъ, что она такъ больна, пожелалъ еще сильнѣе ее увидѣть и поѣхалъ къ ней въ монастырь.

Можно себѣ представить, что онъ испыталъ при видѣ такого разрушенія когда-то красивой, любимой имъ женщины, и какъ больно сердце его сжалось, когда она, узнавъ его, расплакалась своимъ горькимъ, безпомощнымъ, дѣтскимъ плачемъ!.. Онъ, немолодой уже, но красивый еще старикъ, склонился у ея изголовья на колѣни и зарыдалъ... Она потребовала знаками образъ, съ трудомъ благословила его, тогда уже въ послѣдній разъ.

Софія Николаевна Герасимова, всѣхъ многочисленныхъ родственниковъ своихъ любила принимать у себя въ кельяхъ, и сама навѣщала ихъ, но съ болѣзнью своей она была лишена этой отрады. Она очень была уважаема и любима архіереями, пребывавшими въ Харьковѣ, во время ея жизни при монастырѣ, и многіе изъ нихъ уговаривали ее вступить въ монашество, для того, чтобы принять управленіе монастыремъ; но она всегда отклоняла эти совѣты, такъ какъ властвовать она не любила и не умѣла. Со многими архіереями она была въ перепискѣ, въ томъ числѣ и съ Филаретомъ архіепископомъ черниговскимъ.

«Боголюбивая Софія Николаевна, писалъ онъ ей въ 1858 году.— Господь да хранитъ тебя своею благодатію. Благодарю за подарокъ и за молитвы. Укрѣпляйся о Господѣ. Молись, молись усердно; на сла-

бости другихъ не заглядывайся; смотри за собою; первое—трудъ напрасный и даже вредный,—послѣднее необходимо для спасенія души. Было у меня желаніе поручить тебѣ должность по монастырю. Но, подумавъ много, вижу, что это отяготило бы тебя, особенно по обстоятельствамъ неблагопріятнымъ даже было бы тяжело. Потому трудись пока надъ собою. Обучай себя благочестію. Благочестіе всего дороже, всего нужнѣе. Все земное пройдетъ, надобно будетъ явиться туда, для отчета земной жизни. Безъ добрыхъ дѣлъ, — тамъ горе! Будемъ спѣшить здѣсь дѣлать возможное добро: то помолимся, то поскорбимъ о грѣхахъ, то раздѣлимъ скорбь другаго, то попостимся, то смиримся предъ оскорбившимъ насъ. Курочка по зернышку клюетъ и бываетъ сыта, и мы будемъ клевать по зернышку добра, чтобы не томиться грѣхомъ. Будемъ стараться наполнять время наше то тѣмъ, то другимъ дѣломъ благимъ. Прочь уныніе и лѣнь! Жизнь для Господа— и сладость и пища, и слава, наша! Благодать и миръ да будетъ съ тобою».

IX.

Жизнь въ Огаревѣ. — Труды и заботы матери о дѣтяхъ. — Добрая память о крѣпостныхъ людяхъ. — Нѣсколько словъ по поводу освобожденія крестьянъ. — Наша гувернантка m-me Laveau.

Вскорѣ въ Огарево пріѣхала и мать. Не легко ей было взяться за трудное дѣло: вести хозяйство, заботиться о дѣтяхъ и ихъ воспитаніи, думать и о крестьянскихъ нуждахъ. Но за все принялась она энергично и съ Божіей помощью, на которую возлагала всю свою надежду, она всему научилась и все поставила на хорошую дорогу. Въ молитвахъ, написанныхъ ея рукой, которыя я нашла въ ея старыхъ молитвенникахъ и составленныхъ ею, видно, что́ волновало ея душу и что́ желала она для своихъ дѣтей: не просила она у Бога для нихъ никакихъ благъ земныхъ, а просила только чистоту сердца и силу переносить съ терпѣніемъ несчастье, если оно ихъ постигнетъ. Вставала она съ восходомъ солнца, училась хозяйничать и своею заботливостью и энергіей пріобрѣтала знаніе и средства къ жизни. Безъ дѣла я ея не видѣла. Если она не хлопотала по хозяйству въ полѣ, то сидѣла дома за чтеніемъ, за перепиской и счетами, за кройкой или за работой.

Въ Салтыкахъ все для насъ выписывалось изъ лучшихъ магазиновъ Петербурга и Москвы; мать также одѣвалась богато и изящно, а въ Огаревѣ пришлось ей изъ старыхъ рубашекъ отца нашего перешивать бѣлье для дѣтей. Мама́ выучилась даже шить для насъ ботинки: распарывала она старыя, снимала выкройки и сшивала верхъ,

а подошву отдавала пришивать глухонѣмому сапожнику. — Церковь также украшалась ея руками и заботами; несмотря на скудные средства, Господь помогъ ей обновить ее почти до основанія. Она воспитала и сиротку, которая вышла рѣдкая дѣвушка по душѣ, а по дѣламъ— истинная христіанка. Когда Катенька (Ѳедорова) выросла, она сдѣлалась помощницей своей благодѣтельницы по домашнему хозяйству и по работамъ. Будучи вѣрной слугой Бога, она много трудилась для храма Божьяго, и ни одной вещи нѣтъ въ Огаревской церкви, которая не прошла бы черезъ ея руки. Отрадно было княгинѣ видѣть непропавшіе труды и заботы о Катенькѣ, которая сдѣлалась настоящимъ членомъ нашей семьи; всѣ радости и горести она дѣлила съ нами, и мать моя называла ее своимъ «молитвеникомъ». За нами въ Огарево еще послѣдовала молодая дѣвушка Наденька К—а, дочь воспитанницы прабабушки Голицыной, у которой было большое семейство, и всѣ Голицыны позаботились о воспитаніи ихъ, въ томъ числѣ и мой отецъ взялъ Наденьку и помѣстилъ ее на свой счетъ въ Тамбовскій институтъ; по окончаніи курса, она пріѣхала погостить въ Огарево и осталась у насъ привязавшись всей душой къ «своей княгинѣ» какъ звала она ее, а чаще называла ее «моя барыня». Иногда матери приходилось засиживаться до восхода солнца, занимаясь перепиской или счетами по имѣнію, и Наденька, изъ любви къ ней, не оставляла ее одну и, сидя гдѣ нибудь около нея или въ уютномъ уголкѣ кабинета, около камина, пока не засыпала, ворчала на «свою барыню», называя ее «полуночницей». Она была веселая и добрая дѣвушка; много придавала жизни огаревскому уединенію, весь день распѣвая народныя пѣсни и разные романсы, которые я скоро изучила, и когда Наденька запѣвала, ужъ я непремѣнно присоединялась къ ней.

Мать пріѣхала въ Огарево ночью, и услышала ея пріѣздъ одна няня, такъ какъ она долго всегда молилась. Поторопившись встрѣтить княгиню, она выбѣжала раздѣтая, сильно простудилась, схватила чахотку, и не долго послѣ этого пожила съ нами... А чудная была женщина наша няня! такой преданности и такихъ высокихъ чувствъ трудно найти теперь между прислугой. Въ Салтыкахъ люди хотя и крѣпостные, но всѣ были на жалованьѣ (это не у всѣхъ помѣщиковъ было). Средства у отца моего были хорошія, и жалованье, по тогдашнему времени, всѣ получали большое. Когда-же мы переѣхали въ Огарево, люди увидѣли, что средства стали не тѣ, что мать сократила во всемъ свои расходы, и няня первая пришла просить княгиню, чтобы она убавила ей жалованье! Ея примѣру послѣдовала прочая прислуга, безкорыстная и истинно преданная семейству.

Честность между крѣпостными людьми бывала идеальная.

Говоря о доблестяхъ крѣпостныхъ людей, я не защищаю крѣпост-

наго права и горячо сочувствую освобожденію крестьянъ. Но, вспоминая шестидесятые года и искаженную свободу, которая тогда облетѣла всю Россію, сдѣлавъ много вреда во всѣхъ слояхъ общества — нельзя не возмутиться и не удивиться легкомыслію, царившему тогда во всѣхъ слояхъ общества.

Царь-Освободитель, побуждаемый своимъ добрымъ сердцемъ, хотѣлъ сдѣлать счастливыми всѣхъ своихъ подданныхъ, далъ личную свободу 20-ти милліонамъ русскихъ людей, открылъ широкую дорогу всѣмъ къ образованію, облегчилъ участь нравственно-несчастныхъ, даровавъ гласный судъ,—но чѣмъ заплатили ему подданные? что сдѣлали они изъ всего дарованнаго, истиннаго для нихъ добра?.. Свобода исказилась въ русскихъ умахъ и въ этомъ искаженномъ видѣ она облетѣла всю Россію, побывавъ вездѣ, начиная съ великосвѣтскихъ салоновъ и до убогой хижины простолюдина, и ктò обезумѣлъ отъ нея, а ктò опьянѣлъ!.. Зло же съ своими сотрудниками воспользовалось этимъ безсознательнымъ состояніемъ общества и не зѣвало, а работало въ свою пользу. Сотрудники зла начали проклинать старые порядки и старыхъ людей, а высшее сословіе, испугавшись проклятій, стало отказываться чуть не отъ своего рода—своихъ именъ и заиграло словомъ «свобода», какъ маленькій ребенокъ играетъ игрушкой, ломая и коверкая ее. Дворянство, какъ легкомысленная бабочка, летѣло къ этому ярко-горѣвшему слову и спалило всѣ свои красивыя золотыя крылья!.. Кто изъ легкомыслія, кто изъ подражанія, кто изъ страха прослыть отсталыми—мѣняли и старыя преданія, старыя привычки, и старые порядки.

Началось со слитія сословій, съ пожатія рукъ купцамъ и кулакамъ, о тамъ и панибратство съ ними.

Въ семьи свои внесли свободу, начиная съ того, что требовали отъ дѣтей не почтительной любви, а любви товарищеской, и приказывали дѣтямъ изъ личнаго мѣстоименія «вы» переходить на «ты», тогда какъ другой приказъ былъ отданъ дѣтямъ—говорить прислугѣ «вы». Хотя это пустяки, достойные смѣха, но вѣдь говорятъ: «Москва сгорѣла отъ копѣечной свѣчи».

Старая прислуга недоумѣвала отъ подобной перемѣны и негодовала, когда слышала дѣтей, говорящихъ родителямъ «ты», и обижалась, когда господа говорили ей «вы»; молодая-же вообразила, что господа теперь ужъ «не смѣютъ» говорить имъ «ты». Дѣтямъ въ обыденной жизни препятствій на дорогѣ было мало: читать могли чтó угодно, слушать разговоры взрослыхъ—какіе угодно, и родители при нихъ не стѣснялись,—вѣдь они также были уже «полу-граждане», и вмѣстѣ судили, рядили все и всѣхъ, а прежде всего начальство.

Товарищей не родители выбирали, а дѣти приводили изъ гимназій, кого имъ угодно. Дальше, родители стали снисходительно смотрѣть на

шалости своихъ юношей, снисходительно смотрѣть на непочтительность къ старшимъ, на неисполненіе служебныхъ обязанностей, находя даже, что служба царю и отечеству—старая сказка, и что гораздо лучше и нормальнѣе жить на свободѣ, въ деревнѣ, приглядываться къ хозяйству, а молодежь, подъ видомъ хозяйства, гоняла собакъ и бездѣльничала.

Общество, еще болѣе обрадовалось слову «свобода» и съ распростертыми объятіями приняло его. Оно стало снисходительно смотрѣть на безнравственные поступки своихъ членовъ, которые перестали краснѣть, скрывать свои пороки и прятать грѣхи, находя, что гораздо благороднѣе и честнѣе показывать себя во всей наготѣ.

Какъ не сказать послѣ этого, что общество въ 60-хъ годахъ, съ появленіемъ свободы, обезумѣло!? Начальство подчиненныхъ своихъ превратило въ товарищей. Жены священниковъ не оставили также слова «свобода» безъ примѣненія его къ себѣ, и главной цѣлью ихъ сдѣлалось опустошать карманы мужей на шляпы, туалеты и т. п.

Дочери священниковъ, смѣнивъ красивые голубые и розовые платочки на безобразныя провинціальныя каррикатурныя шляпы, якобы модныя, стали гнушаться своего сословія и мечтали выйти замужъ не за священника, а за «офицера». Сыновья священниковъ, стали стремиться въ университетъ, а тамъ—лекціи на голодный желудокъ и возвращеніе не въ скромный, теплый уголокъ отцовскаго сельскаго домика, оставленнаго далеко за собою, а въ сырость, грязь и холодъ общей студенческой квартиры, такихъ же горемыкъ, какъ и они.

Но, конечно, весь трудъ такой жизни могъ бы быть безъ ропота переносимъ, если бы молодежь шла учиться изъ любви къ наукѣ, изъ желанія помочь родителямъ; но всѣ эти силы выбивались изъ своей колеи, шли не по своей дорогѣ, лишь бы не быть тѣмъ, чѣмъ они есть, и, возбуждая свое ненормальное желаніе, гнались за воздушными зàмками.—Но зàмки исчезали, и молодежь эта, не имѣя въ себѣ нравственной силы бороться со всѣми трудностями жизни, не имѣя вѣры и высокаго чувства христіанскаго—смиренія и терпѣнія, ожесточалась на всѣ встрѣчающіяся невзгоды, сворачивала въ окольные пути и стала задумывать, какъ-бы силой отнять то, чего Богъ ей не далъ... И тогда многіе несчастные, вышедшіе изъ своей колеи, присоединялись къ сообщникамъ страшнаго замысла противъ родной страны, противъ своего Царя, Царя-милостиваго, Царя-Освободителя!

Свобода же въ рукахъ мужика привела его къ нищетѣ и преждевременной могилѣ; свобода, въ его понятіяхъ, не допускающая старшинства въ семьѣ, привела къ раздѣламъ, къ кабакамъ и къ смерти отъ опоя.....

*

Отъ этихъ строкъ перейду опять къ воспоминаніямъ своего дѣтства и скажу нѣсколько словъ о своей гувернанткѣ.

Madame de Laveau, какъ главной помощницѣ моей матери въ воспитаніи и образованіи ея дочерей, я посвящаю нѣсколько строкъ, для описанія хотя оригинальной, но въ высшей степени образованной, доброй и хорошей гувернантки. Она всегда жила въ богатыхъ и аристократическихъ семьяхъ, но часто оставляла эти мѣста и шла на менѣе удобныя для нея, если знала, что тамъ она нужнѣе.

Несмотря на уваженіе, которымъ она пользовалась, она не могла не поражать и не удивлять своею оригинальностью. Была она очень некрасива: маленькаго роста, бѣлокурая и немного горбатенькая. Въ Россію она пріѣхала очень молодой, пріобрѣла себѣ капиталъ въ пять тысячъ, и сорока лѣтъ вышла замужъ въ Москвѣ, за молодаго француза m-r de Laveau [1]).

Но m-r de Laveau предпочелъ, вернувшись изъ церкви послѣ свадьбы, уѣхать въ Парижъ. Это случилось слѣдующимъ образомъ: получилъ онъ депешу, требующую немедленнаго его пріѣзда въ Парижъ и съ деньгами..... Онъ объяснилъ свое горестное положеніе женѣ, она растрогалась, отдала ему всѣ деньги, и онъ уѣхалъ, чтобъ не возвращаться! Бѣдная вдова онъ живаго мужа жила все надеждой, была съ нимъ въ перепискѣ, все ждала его и, чтобы не старѣть и не дурнѣть, придумывала разныя средства для сохраненія своей небывалой красоты. Пила одно молоко, ложилась на столъ выпрямлять горбъ, спала въ шляпѣ подъ вуалью и ходила постоянно въ перчаткахъ; прыгала каждый день 100 разъ черезъ веревочку, а лѣтомъ купалась три раза въ день, до глубокой осени. Вставала аккуратно въ 7 часовъ утра, ложилась въ 9 вечера и въ какую бы то ни было погоду ходила гулять. Красоты она не пріобрѣла, но зато въ здоровьѣ и бодрости могла состязаться съ молодыми. Съ нами она была з а м ѣ ч а т е л ь н о д о б р а и любила насъ к а к ъ с в о и х ъ д ѣ т е й, называя: «mes petits enfants». Несмотря на свои годы, внѣ класса, она превращалась въ товарища: играла, бѣгала съ нами. Въ классѣ же у нея былъ примѣрный порядокъ. Она аккуратно приходила сама будить насъ въ 7 часовъ, приговаривая обычныя фразы: «reveillez-vous, mes petits enfants» [2]), подходя то къ одной, то къ другой, говорила: «reveille-toi, belle endormie» [3]). Всегда присутствовала при одѣваніи и не позволяла намъ разговаривать, а еще менѣе ворчать на горничныхъ. Она была очень

---

[1]) M-r Lecointe de Laveau былъ извѣстный писатель, постоянный сотрудникъ «Revue desdeux mondes» и долго жилъ въ Москвѣ.

[2]) „Просыпайтесь, дѣточки“.

[3]) „Проснись спящая красавица“.

добра и ласкова съ прислугой, называя каждаго «другъ мой». Русскій языкъ ей не давался, но она объ этомъ не сокрушалась, хотя училась читать по-русски, я думаю, больше въ угоду мама̀; учителемъ ея былъ нашъ старый лакей Василій Кузьмичъ, мы дѣвочки, помирали со смѣху, слушая эти уроки. Когда мнѣ было 13 лѣтъ, m-me de Laveau получила письмо изъ Парижа, въ которомъ ее извѣщали о смерти ея супруга. Очень ее это огорчило, плакала она много, и мы съ нею плакали. Видя мои слезы, которыя ее тронули, она сказала мнѣ: «Tu as raison de pleurer, ma chère Loloucha, m-r Laveau a été bien beau!» [1]).

На что мнѣ была красота m-r de Laveau? Я плакала о томъ, что мадамъ de Laveau собиралась ѣхать въ Парижъ, на могилу мужа. Она сшила себѣ платье съ трэномъ и плерезами, надѣла вдовій чепецъ и собралась въ Парижъ. Для насъ проводы m-me de Laveau были такимъ горемъ, что я цѣлую недѣлю не могла обѣдать за общимъ столомъ: какъ увижу пустое мѣсто ея, такъ и расплачусь! И на самомъ дѣлѣ потеря была большая: такой гувернантки какъ она мы больше не имѣли. Поѣздка ея въ Парижъ окончилась печально; оказалось, что ея тамъ не хотѣли даже признать за m-me de Laveau, такъ какъ мужъ ея былъ женатъ въ Парижѣ, а она вѣнчалась въ Москвѣ и только въ церкви, а у французовъ гражданскій бракъ необходимъ. Въ Парижѣ пробыла она три года, наградила слугъ мужа, часто посѣщала могилу его, гдѣ иногда встрѣчалась съ другою m-me de Laveau и съ взрослою ея дочерью. Привыкнувъ къ Россіи, гдѣ у нея было много друзей, она вернулась на свою вторую родину, гдѣ ее всѣ любили, уважали и признавали за m-me de Laveau. У нея въ то время было нажитаго капитала 14 т. рублей, которые она помѣстила Г**, который обанкрутился, и она, несчастная, потеряла все, и снова должна была подъ старость трудиться.

Спустя много лѣтъ я встрѣтилась съ нею у Р...хъ. Она заплакала отъ радости, увидавъ меня, и сказала: Ma chère Loloucha! ne t'étonnes pas de ce que je pleure—j'ai eu tant de malheurs, que je ne puis pleurer que de joie» [2]), и сложивши свои старческія руки, сказала: «Mais que la volonté de Dieu soit faite»! [3]) Желаніе ея все-таки было умереть на родинѣ.

Спустя нѣсколько лѣтъ мать моя по пути въ Италію встрѣтила m-me de Laveau въ Москвѣ совершенно умирающую и почти безъ средствъ, неспособной уже зарабатывать даже насущнаго хлѣба, такъ

---

[1]) „Ты права, что плачешь. Mr. de Laveau былъ замѣчательно красивъ!"

[2]) „Дорогая Лелюша"! не удивляйся, что я плачу, я испытала столько несчастій, что плакать могу теперь только отъ радости".

[3]) „Но да будетъ воля Божія"!

какъ ей было 80 лѣтъ. Она предложила ей ѣхать съ ней, на что старушка отвѣтила: «Oh! chère princesse! c'est le bon Dieu qui vous a envoyé vers moi!» [1]),—и онѣ поѣхали во Флоренцію.

Теплое солнце и итальянскій живительный воздухъ воскресили m-me de Laveau. Тамъ, узнавъ о стѣсненномъ положеніи одной изъ своихъ бывшихъ воспитанницъ, имѣвшей большую семью, она поспѣшила послать ей послѣдніе трудовые свои—тысячу рублей, а остальныя свои деньги вложила въ общину призрѣнія въ Chambery, куда и отправилась кончать свою трудовую, честную жизнь. Но недовольна она была порядками во Франціи и республиканскимъ правленіемъ и мечтала вернуться въ Россію, все ждала меня, что я пріѣду за ней и увезу ее. Съ грустью думаю о томъ, что не суждено мнѣ было исполнить желаніе дорогой моей наставницы. Скончалась она 93-хъ лѣтъ, въ памяти и безболѣзненно; въ день ея кончины я получила отъ нея письмо, въ которомъ писала мнѣ, что ждетъ меня!..

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) „Дорогая княгини! Это Господь послалъ васъ!"